

Горе мне были те дни. Сказывать не знаю как: в удавке и кус нужной насилу проглотишь. А утомясь гораздо, повалился на грязь уснуть; а выбойщики, прибежав, бьючи палками, к воеводскому дощанику гонят. А он бьет иных батожем, иных кнутьем, и в то время многих (л. 22) прибил до смерти. И тово нужново ходу было три лета. А иные от водяново наводнения роспухли и мерли, и у меня на ногах от нужды водяныя разседалася кожа, и кровь течаше безпрестанно. Брели весну и осень, по два лета. И всех моих отсюду пять лет езды было.

Егда же приехали на Игрень озеро, и тут с робятишки к зиме ставил себе избенко, волочил на плечах своих нартою, сиречь на саласках, из лесу бревенье. От немилосердия воеводскаго люди пособить не смели, а наняться не велит же; еще же и нанять стало нечим. До рождества избу ставил, и жена и робята малые мерзли на стуже. И от рождества пожили в ызбе до масленицы, и покиня избу, переволоклися за волок и там до лета жили под сосною. Есть стало нечево, не стал давать моего же припасу, потому что роздал весь служивым в разорение... (л. 22 об.).

... [Пашков] за ту однорятку дал мне четыре мешка ржи. И мы ва велик день разговелись, наварили немолотой ржи котел и христос воскресе проговоря, со слезами смешав, тое каши наелись, поминающе грехи своя, яко недостойни суть словеснаго брашна. Да и тому ради, что бог прилучил (л. 23) однорятку. Писано: избавление мужу свое ему богатство. И мы тою рожью, мешая с травою, год другой питались. И много тех бед мелких сказывать; везде беды были. В ыном месте слепота на нас была целое лето, — такое место наехали. Егда же с волоку Иргеньскова поплыли, тамо обретохом вся красная и веселая: в дому плачь, на пути плачь, почали люди траву ясти и вербу и з голоду начали мереть; а ино от воеводскаго озлобления. Приплыли Шлакою рекою на Нерчю реку, и на той реке все люди померли з голоду, — осталось небольшое место. И ту реку не глаголю Нерчю, но юдоль плачевная. Умилен позор видети, стонание и рыдание людское и смерть от глада и нужды. Ис куреня выду — мертвой, по воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых. И себе говорю: „Аввакум, приспе конец (л. 23 об.), приближися час“. В то время сын у нас умер. И положи ево на песке говорим: „коли сами умрем?“. И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до него было — и себя носить не сможем. И посем з достальными детьми, облекшись наготою и умывшеся слезами, ходящи по холмам высоким и по острому камению боси, ищуще травы, потребны ко снедению. И корешки копающе ядохом, на борах же сосну скоблюще и кашю в том варили. И после волков съеденного зверя кто найдет кости, в воде с травою варихом, чтобы прикуснее каша. Иные же по нужде ели и кобылятину, и волков, и лисиц, и кал человекь и скотстей.¹ Нас же от того бог избавил: помогали нашей нужде, жаловали воеводския жены втайне. И тем иное от смерти отбывали.

¹ В рукописи: ис костей.